

Интегративные знания в экономической теории: *pro et contra*

А. М. Новикова, В. И. Пептеев

В статье обоснована авторская оценка состояния и перспектив становления интегративных знаний в экономической теории.

Ключевые слова: интегративные знания, экономическая теория, социогуманитарные науки, глобализация, геоэкономика, эконофизика, сложные объекты, нефтегазовый комплекс.

Integrative Knowledge in the Economic Theory: *Pro et Contra*

А. М. Novikova, V. I. Peptiev

In the article the author's estimation of a condition and formation prospects of integrative knowledge in the economic theory is proved.

Key words: integrative knowledge, the economic theory, the socio-humanities, globalisation, geo-economics, econo-physics, difficult objects, an oil and gas complex.

Спор о методе (в смысле назначения знаний, инструментов их получения и анализа) возник вместе с зарождением экономики и ознаменовался раздвоением исследовательского пути: маршрут Ксенофонта – искусство ведения хозяйства и линия Аристотеля – абстракции и фундаментальные понятия. Пик дискуссии пришелся на рубеж XIX–XX вв. по инициативе немецкого философа и историка культуры В. Дильтея (1883) [12]. В обсуждение темы включились немецкие и российские экономисты К. Менгер (1883), В. П. Воронцов (1887), В. Ф. Левитский (1890), П. Б. Струве (1908) и др. [11]. На XX век приходится относительное затишье. И через столетие в «спор о методе» внесли свой вклад философы [1], психологи [7], представители других социогуманитарных наук, сформулировавшие проблему интегративных знаний. В статье обоснована авторская оценка состояния и перспектив становления интегративных знаний в экономической теории и ее сердцевине – политэкономии.

Потребность в интегративных знаниях становится настоящей не по прихоти ученых и отнюдь не спонтанно, а порождается глубинными процессами на изломе эпох [18]. Тогда объекты научной рефлексии усложняются, а сложные объекты – это прерогатива предметного знания, сотрудничества специалистов различных отраслей знания [4]. Так, кризис глобализации невозможно объяснить единственной причиной – резким ростом цен на нефть и столь же стремительным их обвалом. В свою очередь, парадоксы ценообразования вызваны полифункциональностью нефтегазового комплекса (НГК) как феномена и института постиндустриального мира:

– сбалансированная и безопасная энергетика пополнила список глобальных проблем современности (наряду с нищетой и

бедностью, изменением климата, борьбой с терроризмом и пр.);

– энергоносители – это ресурс, фактор производства и товар;

– нефть и газ имеют конкурентов в лице альтернативных энергоносителей, угля и др.;

– нефтегазовому комплексу организационно и технологически присуще тяготение к вертикальной интеграции;

– рынки нефти и газа сочетают свойства естественной монополии и олигополии, ренты и прибыли;

– нефть и газ – инструменты геоэкономики и геополитики [9].

Но готова ли экономическая теория ответить на вызов интегративных знаний? Скорее нет, чем да.

Современная политэкономия распалась на множество микродокtrin и концепций даже в рамках основных направлений (неомарксизм, неоклассика, неокейнсианство, неoinституционализм). В. И. Корняков (Ярославль) пишет: «Мы, политэкономы, увы, убого малорезультативны. Причем это, пожалуй, скорее завышенная оценка, чем щадящая». С. Г. Кара-Мурза сожалеет о распаде общества экономистов [5]. Исчерпан или близок к исчерпанию творческий потенциал трудовой концепции стоимости (в интерпретации К. Маркса и его последователей). Методологическая ценность понятия «стоимость» улетучивается, ибо стоимость измерить нельзя (определение неизвестного через неизвестное), то есть она не обладает инструментальной привлекательностью [6]. Не удастся, несмотря на титанические усилия нескольких поколений экономистов-математиков, разрешить противоречия между идеями разных томов «Капитала» [3]. В за-

тяжном кризисе пребывает маржинализм в облике «экономикс». Он стоит на развилке дорог: либо превращение в экономику «классной доски», то есть упрощенных схем и графиков, либо растворение в разработках маркетологов и менеджеров, но тогда потеря самостоятельности и включение в корпус знаний по теории и практике управления.

Как же преодолеть разрыв между предложением и спросом на интегративные знания? Подсказка видится в идее конвергенции (взаимного сближения и употребления) однородных и разнородных отраслей знаний. Взаимоотношения экономистов с биологами, математиками, физиками полны курьезов и зигзагов. Основатель микроэлектроники А. Маршалл называл биологию Меккой для экономистов и преклонялся перед подвигом Ч. Дарвина (1809–1882). В свою очередь, Ч. Дарвин во многом вдохновлялся идеями Р. Мальтуса (1766–1834). О. Конт, выпускник политехнической школы (Париж) через социальную физику вышел на социологию. Г. Кэри (США, 1793–1879) использовал законы физики (например, закон тяготения) для сближения экономики и социологии [19]. Экономика – самая математизированная наука из семейства социогуманитарных наук. А эконометрика – детище математики и экономики; ее сегодняшний потенциал на порядок выше открытий ранних маргиналистов (Курно, Дюпюи, Тюнена), а позже – Л. Вальраса и В. Парето. Из математики и физики пришли в экономику предельные величины, функциональный анализ, концепции равновесия и оптимальности, принципы синергетики.

На исходе XX века сформировалась синкретическая («гибридная») наука – *эконофизика*. Ей посвящены статьи Дж. Россера-мл., А. Леонидова, В. Бурлачкова в журнале «Вопросы экономики» (2009, № 11). В экономических исследованиях востребованы фрактальный анализ, теория фазовых переходов, методики по прогнозированию землетрясений. Особо популярен фрактальный анализ, позволяющий по динамике показателей фондовых рынков и финансовых решений находить повторяющиеся структуры и предлагать варианты финансовых решений, прогнозировать пики кризиса. Обнаружено, например, что кризису предшествует сверхбыстрый рост котировок ценных бумаг. Эконофизика задействована при изучении распределения финансовых активов, их доходности и колебательности темпов экономического роста. Проанализирована динамика темпов роста ВВП на душу населения по развитым (США, ЕС, Япония) и среднеразвитым странам

(Латинская Америка, Россия) за последние 30 лет и обнаружены устойчивые пропорции.

Эти и другие подходы и рекомендации обобщены на Первом российском конгрессе по эконофизике (3–4 июня 2009 г.). Отмечено высокое качество докладов физиков, экономистов-математиков и бизнес-аналитиков [11]. Еще не выявлен научный статус эконофизики: оппозиция мейнстриму, неортодоксальный мейнстрим или что-то совсем неординарное? Дж. Россер-мл. (профессор университета Джеймса Медисона, США) осторожен в оценках будущего эконофизики: «В целом, следует ожидать успешного развития эконофизики и роста ее влияния. Однако в долгосрочной перспективе, когда идеи физиков будут полностью восприняты экономистами, а сами физики будут достаточно хорошо понимать экономическую науку, тонкая грань, отделяющая эконофизику от других наук, может исчезнуть. Так, некоторые идеи, проникшие из физики в экономику, настолько хорошо в ней прижились, что сегодня воспринимаются как чисто экономические, а об их первоначальном происхождении мало кто помнит» [14].

Эконофизика – это нетривиальный образец сращивания разнородных наук – естествознания и обществоведения. Видимо, еще больше поводов для научного общения между экономистами и гуманитариями. К диалогу призывает Й. Валлерстайн: «Если социологи, политологи, психологи, философы не объединятся в одну науку, то через некоторое время они будут неинтересны сами себе» (подчеркнуто нами. – А. Н., В. П.). Покажем возможности взаимного сближения на материале глобализации – феномена наивысшей сложности.

Верховенство финансовой глобализации невозможно адекватно познать без обращения к философии постмодерна. Но сначала восстановим марксовы идеи об отчуждении человека, труда, продукта труда и о товарном фетишизме (рукописи 1844 г. и знаменитый параграф первого тома «Капитала»). Затем обогатим их современными представлениями о виртуальности (раздвоение воображаемого и реального), власти символов над человеком, о персонификации вещей и овеществлении отношений. И в итоге более или менее приблизимся к пониманию одного из парадоксов глобализации – иррациональности поведения участников спекулятивных операций на товарных и фондовых рынках через концепцию рефлексивности (Дж. Сорос, В. Юсим) [17].

Глобализация – это встреча (дружественная и не очень) разных языков и культур. Применим к языковой ситуации тройственный подход (шансы, вызовы, угрозы). Шансам мы понимаем как озна-

комление с культурой забытых или малоизвестных цивилизаций за пределами Европы, США и Японии; массовый туризм; обучение студентов в зарубежных вузах; официальное признание Евросоюзом языков стран Балтии, Восточной и Центральной Европы (более 20 языков). Но и вызовы, многочисленные, в частности, слабая интеграция мигрантов последней волны в язык и культуру принимающей страны. Агрессивное вторжение англицизмов в языки коренных народов Европы. Языковая унификация подогревает региональный этнонационализм. Лавина неологизмов (по преимуществу англоязычного происхождения) вызывает немалые трудности при переводе на русский язык экономико-финансовых и юридических терминов и выражений [20]. Ежегодно безвозвратно исчезают десятки языков и наречий малочисленных народов и этнических групп. Мир разделился на сторонников Интернета (с фанатизмом защищающих детище конца XX в.) и любителей книги с поредевшими рядами. Если к теме исторического компромисса книги и видео подойти прагматически, то предстоит решить две взаимосвязанные задачи: а) очистить Интернет от информационного «мусора» и б) «оцифровать» сокровища книжной цивилизации. Современное государство должно быть: а) дешевым (армия чиновников поглощает огромные трудовые, материальные и финансовые ресурсы); б) эффективным (оценка деятельности чиновников и министерств, ведомств по результату, а не по набору мероприятий и освоению ассигнований); в) скорым на принятие упреждающих мер. Вертикаль власти нигде и никогда не исчезнет, но она должна подпитываться инициативами сетевой власти (институт глобализации).

Лакуны в международном праве частично восполняют законодательные инициативы институтов региональной интеграции, прежде всего Евросоюза. К новациям относим учреждение наднациональных органов (Европарламент, Европейская комиссия), внедрение принципа субсидиарности (какой орган единолично или совместно с другими лучше решает функциональную задачу), гибкость в темпах и масштабах национальной интеграции, разные режимы принятия решений (единогласно, квалифицированным или простым большинством). В современном мире растёт энтропия, то есть убывание или истощение энергии, в том числе и социальной. Часто энергия сохраняется, но она непрерывно рассеивается. Энтропия и диссипация (рассеивание) – ключевые понятия в синергетике; они активно используются для объяснения предкризисного и кризисного поведения домохозяйств и фирм. Вездесущая социология подсказывает, ка-

кие меры необходимо принять для скорейшего внедрения заимствованных институтов и для облегчения адаптации к ним населения и бизнеса.

Глобализация подтверждает истину, выстраданную античными мыслителями: человек – это мера всех вещей и отношений. К гуманизации экономической теории причастен и Е. В. Балацкий, совмещающий в себе мастерство эконометрика и эрудицию гуманитария. В его дебютной статье для журнала «Человек» выдвинута экономическая теория личности в проекции витальных ресурсов (деньги, энергия, знания и время). Отыскивая оптимальные комбинации витальных ресурсов, творческая личность освобождается от диктата бытовых связей и навязанных «своим» обществом рамок и правил существования, добивается внутренней свободы. Эволюция личности, по Е. В. Балацкому, – это рост эффективности от задействованных ресурсов, скользящее равновесие целей и средств. По мере самоактуализации (А. Маслоу) цели становятся масштабнее [2].

Третий источник пополнения интегративных знаний (после естественных и социогуманитарных наук) – это внутренняя реструктуризация экономической теории, обновлённое сочленение ее отдельных разделов. Для подтверждения сказанного имеются отдельные примеры и доказательства. Вырвавшись на исследовательский простор, геоэкономика добилась впечатляющих результатов. Геоэкономическая перестройка мирового хозяйства и национальных экономик сопровождается сменой лидеров в позиционировании по странам и межгосударственным объединениям; структурными сдвигами по комплексам и отраслям, прежде всего в нефтегазовом комплексе (НГК); широким применением новых инструментов глобально-региональной интеграции (макрорегионы, кластеры, мегаполисы). Найдены новые подходы в изучении эффективности и справедливости. Так, Иван Ставерен (Нидерланды) видит главную причину падения эффективности не в «провалах рынка», как утверждают специалисты по микро- и макроэкономике, а в неравенстве условий хозяйствования, доступа к ресурсам [15]. Г. А. Родина (Ярославль) применила расчеты максимина и минимакса, то есть эффекта в категориях выигрыша и проигрыша из теории игр [13]. Н. Б. Малахова (Харьков) изучает трансакционные издержки продавца и покупателя из совокупности предельных, средних, маржинальных издержек [8].

Интегративные знания – отнюдь не самоцель. Как только интеграция наук достигает определенной зрелости, наступает пора разъединения исследователей для обработки перспективной

идеи каждым своими методами и инструментами. У интегративных знаний есть свой водораздел – деление экономики на теорию и эмпирику. Эмпирики руководствуются заданной извне целью, находятся в специфических условиях деятельности. Результаты эмпирических разработок оставляют след в науке, если они хотя бы частично теоретизированы. И только в перспективе достигается определенный синтез эмпирики и теории [16].

Дискуссия об интегративных знаниях не завершена. Каждый может дать свои разъяснения относительно двух вопросов: 1. Должны ли экономические и социогуманитарные науки развиваться по образцам математики, физики, химии, биологии? 2. Существует ли методологическое единство наук с эмпирическим базисом или в каждой отдельной отрасли знаний методология развивается автономно? Вопросы пока без категоричных ответов.

Примечания

1. Азов А. В. Проблема нового интегративного знания [Текст] // Философия или новое интегративное знание. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – С. 8–17.
2. Балацкий Е. В. Экономическая теория личности [Текст] // Человек. – 2009. – № 5. – С. 38–49.
3. Клюкин П. Н. Творческое наследие Г. А. Харазова в контексте развития экономической теории воспроизводства [Текст] // Вопросы экономики. – 2008. – № 2. – С. 133–149.
4. Коландер Давид. Экономическая наука нового тысячелетия: как она нашла свой путь и каков он? [Текст] // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. – М. : Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2006. – С. 393–395; Егеме. Революционные значения теории сложности и будущее экономической науки [Текст] // Вопросы экономики. – 2009. – № 1. – С. 84–100.
5. Корняков В. И. Что в имени моем? [Текст] // Экономическая теория XXI века. Экономика постмодерна. – М. : Экономист, 2004. – С. 100, 102.
6. Левина И. Проблема трансформации и сравнительно-исторические подходы и решения (классические версии) [Текст] // Вопросы экономики. – 2009. – № 9 – С. 123–139.
7. Мазилев В. А. Интеграция научно-экономического знания: методологические проблемы [Текст]. – Ярославль : ЯГПУ, 2008. – 122 с.
8. Малахова Н. Б. Маржинализм как институциональная новация современной экономической теории. Материал «круглого стола» [Текст]. – Ярославль : ЯГТУ, 2009. – С. 54–62.
9. Новикова А. М., Пефтиев В. И. Нефтегазовый комплекс в контексте глобализации [Текст]. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – 131 с.
10. Первый конгресс по эконофизике [Текст] // Вопросы экономики. – 2009. – № 11. – С. 150–155.
11. Пефтиев В. И. Комментарии к публикациям В. П. Воронцова (1887) и П. Б. Струве (1908) [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 3. – С. 146–150.
12. Розов, Н. С. «Спор о методе», школа «анналов» и перспективы социально-исторического познания [Текст] // Общее наук и современность. – 2008. – № 1. – С. 144–155.
13. Родина Г. А. Возможности применения критериев максимина и минимакса к социальным инвестициям [Текст] // Социальные инновации. – Ярославль : ЯГТУ, 2009. – С. 63–76.
14. Россер-мл. Дж. Настоящее и будущее эконофизики [Текст] // Вопросы экономики. – 2009. – № 11. – С. 86.
15. Ставерен, Иван. Этика справедливости [Текст] // Вопросы экономики. – 2009. – № 12. – С. 58–71.
16. Фролов И. Размышления о применимости экономической теории в социально-экономических исследованиях [Текст] // Вопросы экономики. – 2009. – № 12. – С. 72–82.
17. Юсим В. Первопричина экономических кризисов [Текст] // Вопросы экономики. – 2009. – № 1. – С. 28–39.
18. «Многие авторы вышли за границы своих школ и начали (порой сознательно, а порой и без всяких намерений) совмещать понятия других школ со своими». О' Хара, Ф. Современный кризис и неортодоксальная политэкономия [Текст] // Вопросы экономики. – 2009. – № 12. – С. 57.
19. Сорокин, П. А. Современные социологические теории (До первой четверти XX века) [Текст] // Социология. – 2008. – № 2. – С. 93–96.
20. П. А. Сорокин с сожалением отмечает, что взгляды Г. Кэри неполно отражаются в социологической литературе, хотя он во многом определил открытия Спенсера, Зиммеля, Дюркгейма. См. : Там же. С. 134–135.
21. Философы имеют фундаментальные разработки по взаимосвязи познания и перевода. См. : Автономова Н. С. Познание и перевод [Текст]. – М. : РОССПЭН, 2008. – 704 с.